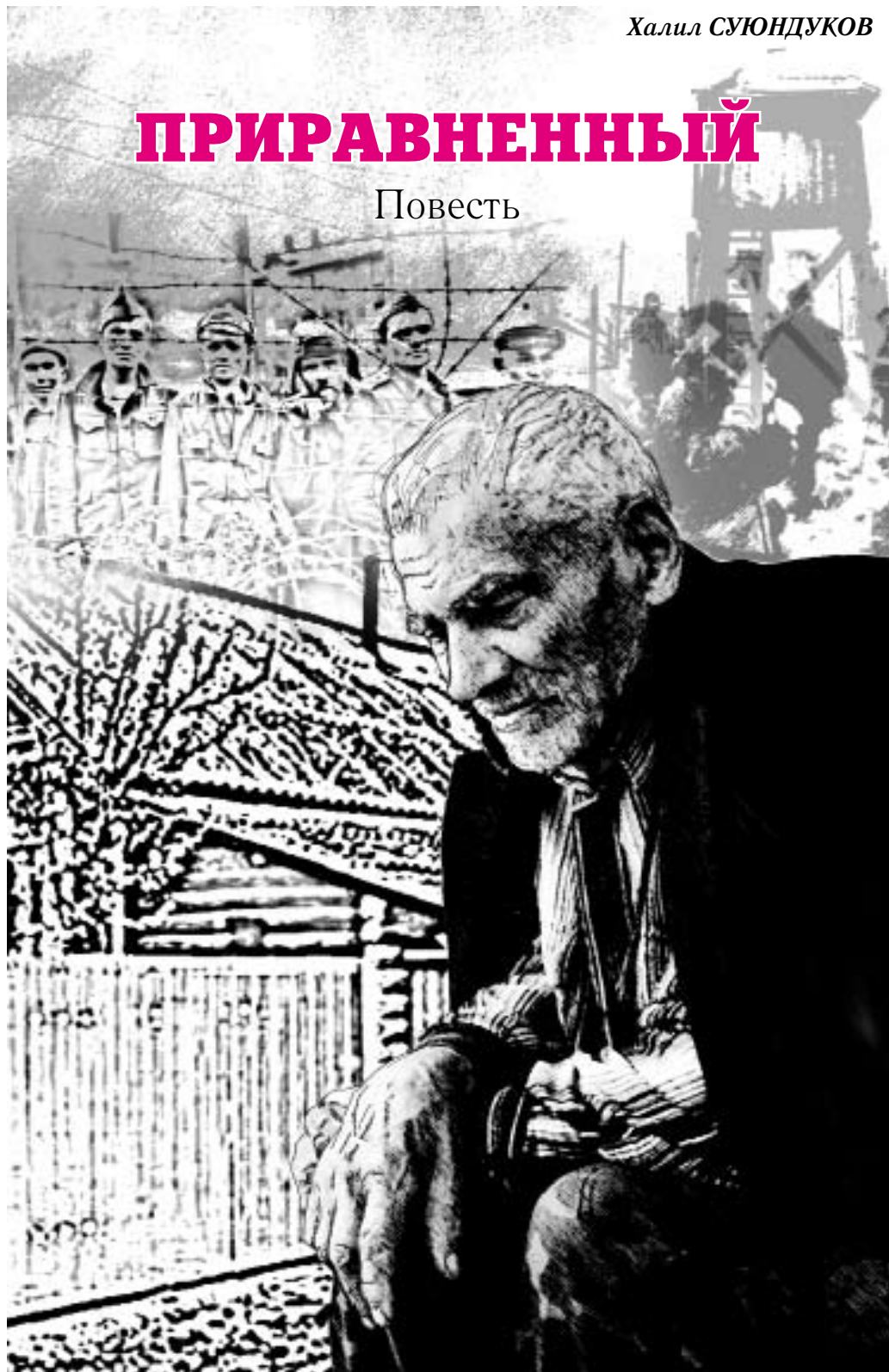

Халил СҮҮНДУКОВ

ПРИРАВНЕННЫЙ

Повесть

...Я — Буранбай. Я уверен,
До вас дошли мои письма из Сибири.
Знаю, давно они прочитаны всеми...
И то, что я расскажу вам ныне, так же
Впитайте в ваш разум, в ваши души...
(Ахмар Утябай. Из поэмы «Я — Буранбай»)
...Старик.
Ты не прав. И зря историю воротишь,
Раны давно забытые тревожишь,
Зачем народу голову морочишь?..
...Поэт.
Я — поэт, и раны народа — мои раны.
И догадываюсь, кем они заштопаны...
Прекрасно знаешь, что осталось в этих ранах:
Наконечниками стрел они полны...
(Раис Туляк. «Спор»)

Ссылаясь на свою глубокую старость, старик Гайзулла и в этом году откасался идти на торжественный вечер, посвященный ко дню Победы. В этот раз его приглашала даже не сельская администрация, как всегда это бывало, а районная. Сразу два письма вручила ему почтальонка Гульфина, заходя к ним домой. Остальным односельчанам всякую корреспонденцию она обычно опускает в почтовые ящики, которые приколоты возле калитки каждого двора.

Достав с прикроватной тумбочки толстые очки и нацепив их на нос с небольшой горбинкой, по очереди вскрыл конверты один за другим, бегло прошелся по письмам. Одно из этих писем было подписано главой районной администрации, а другое — из военного комиссариата. В обоих приглашениях было написано «...для вручения награды». 9 мая с утра он должен быть в районном доме культуры.

— Нет, не поеду, — отрезал Гайзулла усталым голосом, в ответ на уговоры супруги Саиды. — Сама ведь прекрасно знаешь, что я — «приравненный». Дадут, наверняка, в лучшем случае, какую-нибудь юбилейную медаль, построив меня наряду с тыловыми старухами. Потому я и говорю тебе — не пойду и баста! Надо будет, медаль эту принесут домой, как обычно... — Старик снял очки, вложил письма обратно в конверты, где нарисованы ленты от Георгиевского креста и протянул их Саиде. Поправив свое одеяло сухощавыми руками, повернулся к стене.

Саида взяла конверты от супруга, аккуратно положила их в сервант, где хранились все предыдущие подобные письма и открытки.

— Почему ты все время твердишь себе, что ты — «приравненный»? Ты ведь и есть самый настоящий фронтовик.

— А кто знает, что я фронтовик? Вон иди, докажи им, что я — не верблюд.

— Я знаю!

— Мало ли ты знаешь... Короче, не пойду!

— Станный ты какой. Всю жизнь был таким...

— Скажи еще, что я — «дивана».

Раньше и в самом деле Гайзулла в деревне некоторые обзывали этим странным прозвищем — «дивана», что в переводе с башкирского языка означает слово «чудак». За то, что порой он говорил людям про вещи, которые не всегда вписывались в общепринятые стандарты, за то, что от него люди иногда слышали то, что не для всех было удобно, хотя оно совершенно правильно сказано. Про таких людей еще говорят, что из кривой трубы дым поднимается прямо.

И не только в деревне, а гораздо раньше... Слово «чудак» он слышал впервые в жизни, во время войны. Гайзулла, который часами мог лежать неподвижно, словно спящий, начал «рыться» в своей памяти. За что же так обозвал некто из однополчан его, тогда еще с трудом говорящего по-русски? А, да, вспомнил.

...Это было в самом начале сорок третьего. Они познакомились в эшелоне, в котором ехали на фронт.

— Саша, — пожал ему руку круглолицый, сероглазый веселый парень. — Можешь называть просто Шура. — Вытащил из солдатского вещмешка консервную банку, ловко принялся открывать ее ножом.

— Гайзулла, — башкирский парень уже начал задумываться, как же он дальше будет разговаривать с этим новым знакомым. Ведь он еще совсем плохо говорил по-русски, хотя понимал все. Из своего рюкзака так же достал полбуханки черного хлеба.

— Башкорт малайы (башкирский мальчик)? — спросил Шура, к удивлению, в этот раз на башкирском.

Гайзулла до этого даже ничуть не сомневался, что его сосед — русский. Ведь тот с остальными шутил, разговаривал только на хорошем русском языке. Стало гораздо веселее.

— Да, — ответил Гайзулла, — башкир. На, и хлеба нарежь. Первый раз вижу русского, который умеет говорить по-нашему.

— Умею, а как же! — лукаво моргнул Шура. — Я ведь родом из Башкирии.

— А из какого ты района?

— Да я из Уфимской колонии, — ответил Шура и почему-то старался отвести разговор на другую тему. — И ты, брат, скоро научишься хорошо говорить по-русски. Жизнь быстро научит. Ничего, если попадем в одну часть, сам тебя буду учить...

— А я — из Зауралья, — сказал Гайзулла.

— Тогда, мы с тобой вовсе земляки.

Гайзулла безмерно был рад тому, что встретил своего земляка, смелого, хорошо знающего русский язык, из какого бы уголка Башкортостана тот ни был. Даже не обратил он особого внимания на слова собеседника, который говорил «вовсе земляки». Почему-то его больше интересовало, что у парня было русское имя. Гайзулла, конечно, был наслышан про всякие приюты, воспитательные колонии, куда попадали дети-сироты в трудные тридцатые годы, когда в стране свирепствовали голод и нищета. Но, несмотря на это, странновато было слышать имя Саша у башкирского парня.

На какой-то станции в их вагон добавили еще каких-то новобранцев — узбеков, казахов и киргизов. Они между собой разговаривали только на своем. То ли из-за того, что одновременно в вагоне говорили на разных языках, никто не обратил внимания на то, что Гайзулла с Шурой общались на башкирском. Всем

не до языковых различий было, наверное. Скорее, у каждого в уме были свои раздумья, связанные с отрывом от родной земли. Да еще, ведь все ехали на войну. В мирное время, наверняка, кто-нибудь да сделал бы замечание, что в общественных местах положено разговаривать только на общепринятом языке.

Поговорив о том, о сем, когда уже немного привыкли друг к другу, Гайзулла все-таки решился спросить:

— А почему у тебя имя такое?

— Имя? Да, оно само такое, — Шура вначале хотел опять отшутиться, но, видимо, решил открыть новому знакомому свою маленькую тайну. — Для воспитанников детских домов это — обычное явление. Потому что там ребятам, которые носили нерусские имена, туговато приходилось. Многие поэтому, по прибытию в детдом, меняли все свои данные, в том числе и биографию. Вот, например, Гайзулла, тебя бы наверняка стали называть Геной или Герой, то есть Геннадием или Герасимом.

— А твое башкирское имя...

В это время по вагону раздался громкий командный голос:

— Собрать вещи! Приготовиться к выходу!

— Да ладно, Гена-Гайзулла, — улыбнулся Шура, — об этом потом поговорим, если суждено еще встретиться. — Поспешно стал собирать вещи.

На этой станции, что было недалеко от линии фронта, построили весь личный состав эшелона и, называя каждого пофамильно, стали распределять их в разные части и подразделения. Как бы ни старался, Гайзулла так и не сумел разглядеть Сашу посреди солдат, одинаково одетых в серые шинели и стоящих в строю, который казался бесконечно длинным. Не пришлось с ним встретиться и после, когда заняли свои позиции на передовой линии фронта. Похоже, что они попали в разные части.

...Навсегда ему запомнилось событие, которое произошло первого марта. Политрук капитан Сергеев проводил политзанятие с личным составом, занимавшим оборону в траншеях на передовой. Он говорил пламенную речь о подвиге Александра Матросова, который своим телом прикрыл огневую точку противника. Потом раздал солдатам несколько экземпляров газет «Окопные вести». Когда Гайзулла взял газету в руки, сам того не замечая воскликнул: «Это же Шура!» Он тут же узнал Сашу по фотографии, которая была помещена рядом с небольшой статьей «Подвиг Александра Матросова».

— Это — мой зимляк! Вместе ехали в эшелоне!

Гайзулла стал показывать газету то одному, то другому, гордясь своим соотечественником, который жертвывая собой, поспособствовал сохранению десятков, а то и сотен солдатских жизней.

— Мой зимляк!

— Ну ты и сказал, — засмеялся командир отделения сержант Ивко. — Скажи, что он еще и башкир.

— Да, да! Башкир он, — воскликнул Гайзулла по простоте своей души, не замечая того, что младший командир решил подшутить над ним. — Мы с ним разговаривали на своем, когда ехали в поезде!

— Слышь, чудака, прекрати молоть чепуху. Если приедешь домой, бабушке своей будешь рассказывать сказки, — издевательски улыбался Ивко. — Читай повнимательнее, эй, ты, нерусский! Тут же черным по белому написано, что Матросов — уроженец Днепропетровской области! Скорее, он — мой земляк.

Бойцы, воспользовавшиеся кратковременной тишиной, сидели на дне траншеи, дымили махоркой, громко хохотали, слушая остроумные реплики сержанта.

— Нит, он — башкорт! — не хотел поддаваться Гайзулла.

Хотя, «чужаком» его после этого обзывать не стали, но с того дня к нему полусхотли стали обращаться «Башкорт» или «Зимляк». Он, конечно, понял, что никогда не переубедит остальных, поэтому больше не стал доказывать никому, что Матросов с его края. В горячую военную пору, конечно же, у каждого свои жизненные проблемы. Разве только один Матросов погиб в той войне?!. Смерть ходила вокруг и рядом со всеми. После каждого боя, вместо погибших или временно вышедших из строя из-за ранения десятков, сотен солдат, приходило новое пополнение. И те, которые прибывали, через некоторое время почему-то стали называть Гайзулла «Зимляком» или «Земелей». На привалах, кратковременных передышках, время от времени сержант Ивко веселил солдат, остря и подшучивая над Гайзуллой, называя его «земляком Матросова», даже его «неразлучным другом». Гайзулла, который за это время уже немного освоил русскую речь, не стал обращать внимания на эти шутки и не обижался. Когда подкарауливала смерть на каждом шагу, естественно, что было не до всяких обид. Наступления периодически чередовались с занятием обороны с целью передышки и пополнения материальных и людских ресурсов.

Наступил праздник труда — Первое мая. Новый политрук, который недавно прибыл вместо погибшего капитана Сергеева, спустился в окопы, поздравил солдат с праздником, призывал бойцов и дальше беспощадно бить немецко-фашистских захватчиков. В это время неожиданно с противоположной стороны началась интенсивная артподготовка. С надеждой остаться в живых, все прилегли ко дну траншеи. Неприятель в ту пору был еще довольно-таки силен. Даже для молодого бойца было ясно, что противник наметил наступление. Грохоча своими смертоносными снарядами, которые ложились в шахматном порядке, разбивая окопы и бревенчатые блиндажи, артиллерийская подготовка длилась несколько минут. Бойцы все хорошо знают о том, что после артподготовки, как правило, немцы переходят в танковую атаку. «Тигры» не заставляли долго ждать и уже появились издалека, кажущиеся как медленно ползучие навозные жуки, но очень быстро приближались к нашей передовой.

Прогремела команда взводного приготовиться к бою с танками противника. «Тигры» постреливали на ходу из своих пушек. Гайзулла, который неплохо был укрыт в нише своего окопа, не достали ни артиллерийские, ни танковые снаряды, хотя некоторые из них взрывались прямо в траншеи. Он всегда окапывался так, как учили его в учебном батальоне под Уфой и никогда не пренебрегал инструкциями своих бывалых учителей. В перерывах между боями, пользуясь возможностью, всегда старался углублять и укреплять свой окоп, который как бы являлся маленьким ответвлением общей длинной траншеи. И когда справа довольно близко взорвался снаряд, его только частично засыпало землей обвалившейся стенки фортификационного сооружения. «Аллах сохранил», — подумал боец. А вот младшему командиру Ивко, весельчаку, который недавно смешил солдат своими всякими анекдотами, не повезло. Тот лежал неподвижно, лицом вниз... Сосед справа по окопу, рядовой Туленков, стрелок ПТР (противотанковое ружье), весь бледный из-за большой кровопотери, достав бинт из ИПП (индивидуальный перевязочный пакет), пытается перевязать едва ли не

полностью оторванную правую руку. Вот он, не довязав рану, потерял сознание. Стряхнув с себя обвалившийся грунт, Гайзулла поднялся с места, дополз до Туленкова, забрал у него бинт и хорошо перевязал товарищу рану. Прислонив к стенке окопа свой автомат ППШ, взял в руки тяжелое туленковское ружье, которое предназначено для боя против бронемашин. Прицелился к приближающемуся «тигру», из пулемета которого так же беспрерывно велся огонь. Громадная фашистская машина, вот уже в метрах двадцати от него! Хорошо было видно и немецких автоматчиков в мундирах мышиного цвета, с засученными рукавами, в касках. Они, так же стреляя на ходу, бежали, скрываясь за танком. «Тигр» рыча продолжал идти прямо на него и, казалось, вовсе не сомневался в своей неуязвимости. Эх, попасть бы! Гайзулла, который еще до войны немного освоил ремесло охотника, стрелял довольно-таки метко. «Оп-па! — сам того не замечая воскликнул боец. — Попал!» Танк мгновенно остановился, начал интенсивно дымить. Танкистов в темно-синих спецодеждах, вылезавших из открытого люка, встретил пулевой дождь наших автоматчиков. Перезарядив ружье, Гайзулла успел выстрелить и во вторую быстро приближающуюся машину. Но у той, похоже, от взрыва небольшого ПТР-ского снаряда порвались только гусеницы. Танк не загорелся, а остановился, резко повернувшись к ним боком, потом медленно стал направлять в их сторону свою башню с длинным стволом... «Молодец, земля! — Гайзулла услышал охрипший голос командира взвода старшего лейтенанта Бережного. — После боя представлю к ордену! Добей гада!» Гайзулла поспешно достал следующий маленький снаряд из ящика, попытался вновь перезарядить ружье. Но на этот раз ПТР Туленкова не захотел подчиниться новому хозяину, который не особо хорошо владел им. От оглушительного близкого взрыва будто перевернулся весь мир. «Опоздал...» — только и подумал солдат, у которого начало темнеть перед глазами...

Он пришел в сознание от сильного удара по спине. Когда открыл глаза, увидел троих здоровенных немецких солдат с автоматами наперевес. Интенсивно шумело в ушах, и почти ничего не было слышно. Один направил на него ствол своего «шмайсера» и опять на всю силу пнул ему по ребрам тяжелым сапогом. Гайзулла понял, что ему приказывают встать, и он медленно поднялся на ноги. Он — пленник? Как же он уцелел после такого близкого взрыва танкового снаряда? Каждый воин того времени хорошо знал, что такое попасть в плен противнику, и многие предпочитали смерть, чем сдаться в руки врага. Ведь боец, оказавшийся в плену, тогда приравнивался изменнику Родине...

«Приравнивался», «приравненный»... Гайзулла бабай (бабай — старик) непроизвольно застонал, вспоминая эти слова. Не может он привыкнуть к этим странным выражениям, приравнивать. Да, время было такое, когда равняли всех подряд, не учитывая ни внутренние чувства, ни особенности каждого индивидуума. Не брались в счет и бесчисленные всевозможные конкретно сложившиеся обстоятельства в жизни. Равняли и равняли... Да, этот мир полон всякими сложными и порой совершенно необъяснимыми особенностями. Кто их придумывает? Не сами ли люди создают для себя подобные сложности?

Размышления его снова привели к полю боя. Поднявшись с места, Гайзулла бегло осмотрелся, обратил внимание на траншею с обвалившимися стенами. Вокруг полно валялось солдатских тел. Рядом с ним лежал хозяин ПТР — Туленков. Похоже, что он только пришел в сознание. Раненый солдат зашевелился, пытаясь приподняться. Но, увидев его забинтованную окровавленную руку,

согнутую в неестественном месте, один из немцев направил к нему автомат и выпустил несколько пуль, от чего солдат замер навсегда. Гайзулле казалось, что стрельба слышна очень издалека. Такая же участь постигла солдата, который лежал рядом с Туленковым. Не видно было рядом взводного старшего лейтенанта Бережного, который недавно подбадривал Гайзуллу, обещая представить к ордену, а так же не видел он и некоторых остальных товарищей среди убитых. То ли они успели отступить, то ли... Быть может, что и они попали в плен. Гайзулла был наслышан о том, что раненых рядовых солдат немцы не берут, так как Германии нужны здоровые рабочие руки. Видать, суждено ему остаться в живых. Что будет, то будет. К лучшему ли это, или... А может еще очень скоро перейдут в контратаку и спасут его от плена. В голове, в которой постоянно и сильно шумело, ходили такие самые разнообразные, прерывистые мысли. Немцы, обыскали его карманы, и прощупывали тело, проверяя его целостность. Не найдя на нем ран, повели, грубо подталкивая автоматами.

Сначала шли пешком. Через некоторое время, погрузив их в крытые тентами грузовик, повезли куда-то на запад. На вторые сутки езды с кратковременными остановками, они прибыли в одну из немецких деревень, которые вовсе не были похожи на наши. Своими каменными домами, прямыми улицами и тротуарами они очень напоминали маленькие городки. Возле домов не видно ни сараев для скота, ни сеновалов, без которых у нас трудно представить деревню. За то в каждом дворе пестрились цветочные и всякие овощные грядки. Гайзулла только потом узнал, что у них фермы для скота расположены на удалении от деревни. После того, как высадили из машины, их построили возле какого-то дома. Один из богачей этой деревни по имени Хельмут отобрал для себя работников среди пленных. В их число вошел и Гайзулла. Так он, вместе с некоторыми остальными военнопленными, должен был трудиться у фермера. Комендант деревни в военной форме, слегка прихрамывающий, на ломанном русском языке провел с ними инструктаж. Велел работать честно и усердно. А так же он предупредил их о расстреле, что в случае попытки побега. После, как трое пленных прибыли ко двору Хельмута, тот сразу обратился к Гайзулле, который своим неевропейским лицом отличался от остальных. «Умеешь ли ты обращаться с лошадьми?» — спросил он через своего управляющего, который с трудом, но мог изъясняться по-русски. Гайзулла сказал, что умеет. В тот же день ему дали поношенную, но не особо старую одежду: пиджак с брюками, бушлат, ботинки и кепку. С того дня он стал работать конюхом у этого фермера, в хозяйстве которого было около двадцати голов лошадей. Фермер их выращивал и готовил для продажи владельцам ипподромов. Работа знакомая, и она казалась парню совсем нетрудной. Как раз была пора, когда начиналось лето. Целыми днями пас он фермерских лошадей на богатой пастбище, границы которой отмечены бороздой с помощью плуга. Глядя на упитанные, бойкие кобылы с веселыми жеребятами, на жеребца, который вел себя хозяином всего табуна, Гайзулла всегда тосковал по родным степям, где вольно паслись сотни совхозных лошадей, для которых и пастух особо не требовался. Ведь в бескрайних его ковыльных степях с обязанностями пастуха и охранника справлялся невысокого роста сильный и выносливый, строгий саврасый жеребец. И не было никаких границ пастбища... И так, задумываясь про родные башкирские земли, вспомнил он про башкирский кумыс, и появилось нестерпимое желание попить тот чудесный напиток. «Ну

и что, что кобылы немецкие, — подумал парень, — молоко, наверняка, везде одинаковое». Используя несколько немецких слов, которые уже были в словарном запасе, а так же с помощью жестов, как-то ему удалось объяснить управляющему фермера, что из кобыльего молока можно сделать очень вкусный напиток.

— Ты чего? Так это ведь не корова! Разве лошадь доят? — удивился управляющий, отрываясь от своей книги. Он почти все время что-то читал, даже когда был верхом на лошади.

— Дайте мне только узенькое ведерочко, больше ничего и не потребуется, — сказал Гайзулла. — Все остальное увидите потом.

Управляющий, который пока еще ничего и не понял, среди множества всякой посуды хозяйки Хильды все-таки раздобыл то, что просил конюх. Остальные работники, наблюдавшие за ними, удивленно глядели на простого башкирского парня, который отличался от остальных своим радушным смугловатым лицом. Подоив двух-трех кобылиц, он наполнил ведёрко молоком. Потом стал через каждый час взбивать содержимое посуды деревянной мутовкой, которую смастерил сам. Даже ночью не поленился он вставать, чтоб взболтать молоко и чтоб получился настоящий кумыс. С этим делом он, конечно же, был очень хорошо знаком. К утру он налил себе полный стакан приятно пахнущей, пенистой жидкости, выпил без передышки до дна. Кумыс получился отменный! Никогда бы он не представлял себе раньше, что в глубине Германии, да еще в плену, попробует этот родной напиток.

Утром Гайзулла еще раз шумно взболтнул мутовкой уже готовый кумыс, налил в стакан и подал только что прибывшему управляющему. Но тот вначале делал брезгливое лицо, жестом дал понять, чтобы конюх сам сперва при нем попробовал. Гайзулла снова налил себе и сразу выпил. Немец все-таки не смог перебороть свое любопытство, сделал пару глотков из своего стакана. После этого лицо его резко переменилось, и он, смакуя, допил содержимое посуды. Подняв большой палец правой руки, сказал: «О, гуд! Зеер гуд!» Но тут случилось нечто, которое заставило покраснеть управляющего: тот непроизвольно длинно отрыгнул. Потом ладонью прикрыв рот, что-то пробормотал и начал выходить из дома пастухов. Похоже, что он просил прощения за неприличие со своей стороны. Гайзулла, будучи наслышанным про то, что отрыжку при людях немцы считают очень неприличной, едва не засмеялся громко.

Хотя, владельцем всей фермы официально считался старик Хельмут, всеми делами в хозяйстве управляла жена фермера — худощавая Хильда. Конечно же, с помощью того самого исполнительного управляющего. А сам хозяин показывался чрезвычайно редко. На следующий день Хильда через управляющего позвала Гайзуллу к себе.

— Что за кислое лошадиное молоко придумал ты, Ганс (так называли его немцы для удобства), — спросила та улыбаясь. А улыбалась хозяйка очень редко. Управляющий с трудом, но перевел ее вопрос на русский язык.

— Не лошадиное, а кобылье, — поправил ее парень. — И не я его придумал. Это наш башкирский национальный напиток. Наш народ делал его издревле.

— А как он называется?

— Кумыс.

— Как? Кимс... кумс... — Старуха пыталась произнести это название, но у нее не очень-то получалось.

— Напиток, и вправду, очень вкусный, — говорил управляющий, — попробуйте, фрау.

Хильда достала с полки большой красивый фужер, переливающийся на солнечном свете, отдала Гайзулле и велела принести ей тот напиток. Такую дорогую хрустальную посуду парень, конечно же, видел первый раз в жизни. Услышав приятный, мелодичный звон, когда брал в руки, парень приставил фужер к уху.

— Хрусталь, — сказал управляющий, — смотри, не разбей!

Перемешав, пленник налил кумыс в фужер, передал его хозяйке через управляющего. Видать, напиток этот понравился барыне (еще бы!), отныне Отто (так звали управляющего) приходил каждый раз к Гайзулле за чудодейственным напитком.

— Я знаю, что ты из России, — говорила однажды старуха, — только вот ни лицом, ни именем несколько ты не похож на русского. В прошлый раз как-то называл свою национальность: башк... башку...

— Башкорт (башкир), — ответил парень.

— Башкр, — пыталась повторить Хильда, — никогда не слышала.

— Из башкир он, — ответил за парня управляющий, который много читал и очень даже неплохо знал историю. — Башкиры — одна из многочисленных народностей России. Мало того, — он добавил, — народ этот уникальный, с чрезвычайно богатой историей. Это те люди, которые в 1814 году совместно с русскими, победив Наполеоновскую армию, преследуя французские войска и пройдя через наши земли, вошли в столицу Франции. Они же шли первыми на центральной улице Парижа, когда русские войска устроили парад по случаю победы. До сих пор в истории хранится память и о том, как парижане их называли «северными амурами». Место их проживания — Уральские горы.

— О, зеер гуд, — сказала Хильда, — про Урал слышала.

И Отто, и Хильда, похоже, были уверены, что их работник из России очень даже хорошо усвоился в Германии, что даже полюбил их страну. Не стали они ни заходить к нему, ни проверять коморку, где жил их конюх. Только по субботам комендант деревни проводил вечернюю переключку, построив всех пленных. А их было всего в деревне около двадцати человек.

Несмотря на то, что жизнь в плену была нетрудной, парня никогда не покидало нестерпимое желание сбежать и перейти к своим, как будто его на той стороне фронта ждали тихие, бескрайние родные степи с вольно пасущимися табунами лошадей. Хотя он вовсе и не представлял, что его могло ожидать на Родине. Ему казалось, что перебежать к нашим будет не так уж сложно при наличии достаточного пищевого запаса в дорогу. Он тайно сушил сухари за печкой, где был приделан уступ с углублением. День и ночь он мечтал о побеге, совершенно не зная, как будет проходить через всю Германию, где всюду было полно военных и полицаев. Мать, которая уже несколько месяцев не получала писем от сына, наверняка потеряла его. А, может быть, она уже получила сообщение от командования о том, что он пропал без вести. Но, несмотря на это, мама, наверняка, надеется, что сыночек ее еще жив, и будет ждать его до конца своих дней. Гайзулла, конечно же, хорошо знал статью боевого устава, которая гласит: «...военнослужащему запрещается сдаваться в плен». А все-таки в его душе притаилась и маленькая надежда на то, что в его стране, где строят самое гуманное в мире коммунистическое общество со счастливым будущим, есть и

справедливые законы. Ему почему-то казалось, что сам товарищ Сталин будет наблюдать, как он будет прорываться к своим, и что великий вождь станет даже заступаться за него.

В одну из теплых августовских ночей быстрыми шагами шел он в сторону востока, не зная ни дорог, ни населенных пунктов. На спине у него висел мешок, наполненный сухарями. В светлое время суток скрывался в густых кустарниках, которые частенько встречались ему. Когда темнело и становилось безопасно идти, он продолжал свой путь. Чтобы идти строго на восток в основном ночью он ориентировался по звездам, точнее, по Млечному пути, который на безоблачном небе тянулся с севера на юг. Гайзулла шел как раз поперек тому «указателю». Говорят, что осенью дикие птицы так же летят на юг по этому пути, который для них создал Всевышний. Очень трудно было ему, пешему, обходить населенные пункты (хотя пока ему встретились всего несколько небольших деревень и один город с территорией примерно как их районный центр). Так же неприятно было переходить речки с холодной водой. И воздух августовских ночей был уже не совсем теплый. Таким образом, шел он три ночи. Ближе к утру вплотную подошел к безмерно широкой реке. О переплытии такой реки и речи быть не может. Недалеко справа какой-то большой населенный пункт. В темноте хорошо были видны зажженные фары, и слышен гул движущихся автомобилей. Похоже, рядом была автомобильная трасса, по которой передвигалась военная техника. И обидно то, что нельзя никому показываться и спрашивать о чем-то. Хотя немного и мог изъясняться на немецком, не подойдет же он запросто к любому немцу с вопросом «как пройти в сторону России?» Позавтракав (или поужинав) сухарями, запивая водой из реки, подстелив под себя свой большой черный бушлат, Гайзулла погрузился в мысли, которые незаметно перешли в сон.

— Сынок, сыночек, приехал уже? Почему не сообщил заранее? А война то еще не закончилась... — Мать бежит к нему навстречу. Гайзулла тоже хочет побежать к ней, но почему-то ноги не идут. Ах, ведь на ногах у него тяжеленные кандалы! Он пытается снять их, но не получается, потому что руки так же крепко связаны. Хотел крикнуть «мама, мамочка!», но смог только произнести слабое шипение, и он начинает задыхаться. Громко лая, за мамой бежит Актырнак. Гайзулла никогда не видел свою дворняжку такой злой. К ней примкнули еще несколько огромных псов...

Он проснулся от сильного удара по ногам. Открыв глаза, увидел двух немецких полицаев, еле держащих на поводке большие овчарки, которые, казалось, готовы тут же разорвать его на куски. Один из полицаев велел ему встать. Гайзулла, уже немного понимающий немецкий, послушно выполнил команду. То ли немцы нашли его случайно, а может быть, какой-нибудь грибник, увидев подозрительного спящего, сообщил о нем в полицию. Хотя, думать об этом совершенно бесполезно. Итог один. Его в этот раз уж точно расстреляют. Не трудно было и раньше догадаться о том, что побег его из глубины Германии заранее обречен на провал. Видать, сильное желание вернуться на Родину затуманило способность трезво оценить истинную ситуацию. Он и в самом деле был уверен, что его тут же расстреляют, но ошибся. Погрузив в какой-то эшелон с пленными, повезли его на чёрные работы.

Начались самые тяжелые дни в жизни Гайзуллы. Те мучения, что доводилось испытывать ему в шахтах Рурского угольного бассейна, он вспоминает как кошмарный сон. Узников, которые спали на жестких нарах в бараках, выстро-

ившихся ровными рядами, будили очень рано и гоняли каждый день на работу в сопровождении солдат-охранников с овчарками. Их работа заключалась в выдалбливании и погрузке тяжелого каменного угля в вагонетки. Очень коротко прерывались на обед. Наверняка, чтоб не очень быстро умирали с голоду, поили их жидкостью, чем-то напоминающей бульон, но с неприятным запахом, как будто в ней варили мертвечину. А хлеб (если его можно так назвать), который давали в мизерном количестве, был чрезмерно кислый и с примесью деревянных опилок. Потом — опять работа до ночи... У Гайзуллы было странное ощущение, что держится в нем только душа, а тело давно неживое. Дешевая, даже бесплатная рабочая сила, наверняка была очень выгодна для хозяев огромного угольного бассейна. Но, несмотря на это, владельцы этого хозяйства ничего не предпринимали в пользу улучшения условий их существования. Стоит кому-то из пленных заболеть, тут же солдаты его равнодушно расстреливали и бросали в огромную печь, которая дымилась день и ночь. Эта большая печь была построена именно для этой цели. Так же из барачков ежедневно по утрам выносили одного-двух трупов. И, конечно же, никто и не думал, где и как их хоронить. О контузии головы, которая периодически проявлялась кратковременными судорогами, Гайзулла всегда старался тщательно скрывать, и это ему, к счастью, удавалось. Стоило фашистам узнать про этот его недуг, понятно, что им ничего бы не стоило пустить и его в расход. Теорию, придуманную нацистскими философами, о значительном преимуществе немецкой расы над остальными, о том, что многие другие народности должны жить у них в рабстве, или вовсе не имеют права существовать на Земле, активно претворяли в жизнь. Немцы, похоже, особо и не испытывали нехватку рабочей силы, так как здесь были узники не только из Советского Союза, но и со всей Европы. Человеческая жизнь ни во что не ставилась. И Гайзуллу много раз водили (трупов сжигать) к той проклятой печи, которой дали «культурное» название — крематорий. Крайне выносливый башкирский парень, выросший в безотцовщине (отца Гайфуллу арестовали в 33-м), с детства привыкший к тяжелому труду, стойко перенес все ужасы фашистского лагеря. За полтора с лишним года неволи, наверняка, был он свидетелем сотен (если не тысячи) человеческих смертей. Каких только национальностей не было в фашистском «аду». Несмотря на языковые различия, эти люди с похожей судьбой, казалось, даже очень легко понимали друг друга...

«Не поддавайся, Азизуллах, — подбадривал всегда друг его, кумык по национальности. — Даст Бог — освободят нас, и все закончится хорошо. Только не потеряй веру во Всевышнего!» Оказалось, что и этот солдат попал в плен из-за головной контузии. По ночам он всегда молился Аллаху, сидя на своем наре. Магомед (так его звали), язык которого был очень схожий с башкирским, всегда старался быть рядом с Гайзуллой. Как довольно хорошо знающий свою религию, научил его многим тонкостям этой науки. «Ти понимаешь, это — самая основная наука жизни!» — иногда говорил он на русском языке с кавказским акцентом, странно жестикулируя рукой. Гайзулла выучил наизусть много коранических сур и аятов. «Если будешь просить только самого Всевышнего, он тебя всегда защитит, — уверенно говорил чрезмерно пылкий от природы горный парень. — Каждый вечер перед сном читай «аят аль Курси» (молитва из Корана)». По ночам, обращаясь к Господу с мольбой о своем избавлении от заточения, о скорейшей победы Красной Армии и конце войны, Гайзулла, и

в самом деле, ощущал себя под защитой самого Аллаха. Вера во Всевышнего придавала ему надежду на дальнейшее продолжение существования в этом мире.

Как и все остальные узники, сильно истощенный, почти доведенный до кахексии, Гайзулла стал похож на скелет, натянутый кожей. Но его, как он потом всегда говорил, сохранил Господь. К удивлению, его не брали ни простуда, ни тиф, который довольно сильно был распространен среди узников. Так, суждено было ему встретить день Победы в одном из многочисленных фашистских лагерей, который оказался в англо-американской зоне. После того их рассортировали по группам, помыли в бане, продезинфицировали и отчистили от вшей. Когда отдельно построили русских (так называли американцы всех советских солдат, кем бы они ни были по национальности) и объявили, что завтра их передадут советским войскам, бывшие узники дружно прокричали «ура». Хотя все знали о том, что по закону они будут приравниваться к изменникам Родины, у всех в душе таилась надежда в ближайшее время поехать домой, встретиться с родителями, детьми, родными и близкими. Ведь недаром говорят, что надежда умирает последней.

Старик Гайзулла про себя ухмыльнулся, вспоминая ранее увиденные кадры из некоторых советских кинофильмов, где показывали, как наши солдаты, обнимая, встречают освобожденных ими военнопленных. «Да, жди! Сейчас прибегут с распростертыми руками, обнимут и поцелуют».

Нашим солдатам, конечно же, хорошо внушили, что военнопленные — «настоящие изменники». И Гайзулла, и все остальные его товарищи по лагерю завидовали тем соотечественникам, которые были в числе освободителей. Те, кому посчастливилось не попадать во вражеский плен, очень холодно встретили освобожденных военных узников. Тут у многих возник вопрос: действительно ли были они освобожденные? Переодев в старое солдатское обмундирование, их собрали в отдельное помещение. Но помещение снаружи закрывалось и охранялось. Кормить стали относительно лучше. Но самое обидное было то, что их охраняли не фашисты, а свои же, советские солдаты.

Спустя пару дней по одному стали вызывать на допросы. То, что не нашли никаких ран на теле Гайзуллы, было явно не в его пользу. Не поверили его словам, что он оказался в плену в бессознательном состоянии. О том, что он подбил двух немецких танков, о том, что командир взвода старший лейтенант Бережной обещал представить его к ордену и слышать не захотели. «Слышали мы такие сказки. И хватит ерунду нам говорить. Короче, струсил...» — ответил за него же капитан с серебристыми погонами. Было ясно, что служивый НКВД явно был настроен из бывшего военного узника «слепить» изменника Родины.

Их везли почти через всю территорию необъятной России — с запада и до глубины бескрайней Сибирской тайги. Красивую летнюю природу родного края арестанты наблюдали только через узкие решетчатые окна тесных и душных вагонов. Многие даже очень близко проезжали мимо своих родных городов и деревень. Помнит Гайзулла, как пятидесятилетний русский мужчина Михаил рыдал, в буквальном смысле этого слова, обливаясь горькими слезами и приговаривая: «Вон, за тем холмом моя родная деревня Покровка, удастся ли мне когда-нибудь добраться до нее?.. Ведь семеро детей моих там и женушка... Как же они там без меня?..» Конечно же, ни дети, ни жена его и не знали ничего о Михаиле так же, как не ведали семьи о многих, которые ехали мимо родных земель. Быть может,

и Гайзулла, который тогда вовсе не знал карту России, проезжал недалеко от своего дома. Как же поживают его две сестренки и мама, живы ли...

Гайзуллу, как и его друга Магомеда, приговорили к десяти годам лишения свободы с условием содержания в воспитательно-трудовой колонии. Работа в таежной глуши была чрезмерно тяжелая и, честно говоря, нисколько не легче, чем в Рурском бассейне. С утра и до вечера арестанты с помощью длинной ручной пилы валили неохватные толстые сосны и кедры, цепляли к трактору, который еле утаскивал их в сторону. Другие обрубали ветки и жгли. Третьи с помощью кирок, топоров и ломов выкорчевывали крепкие столетние корни этих хвойных. Тем самым они очищали от растений полосу для будущей большой автомобильной дороги. А за ними шли... немецкие военнопленные. Они поднимали грунт, засыпая щебень, песок, и из гладких булыжников укладывали ровную, широкую дорогу. Жизненные условия у немцев ничем особо и не отличались от наших. Их охраняли те же солдаты со злыми собаками, готовыми в любой момент разорвать человека на части. Бывало, и натравливали собак на неугодных, чтоб другим неповадно было. Или охранники иногда просто избивали до полусмерти узников, независимо немец ли он, или наш «изменник». «Лучше расстреляйте, только не мучайте так!..» — умоляли порой осужденные. А медицинское обслуживание было на крайне низком уровне. Казалось, им легче было кого-то расстрелять «за попытку к бегству», чем лечить у него какую-нибудь серьезную травму. А контузию, которую получил Гайзулла от танкового снаряда, и периодически повторяющиеся судороги вовсе не приняли всерьез. Соседи по бараку пару раз вызывали медика во время очередных его приступов. Но врач (или фельдшер), который каждый раз являлся только после нормализации состояния, поставил диагноз: «Истерический припадок». После этого на подобные случаи вовсе не стали больше никого и вызывать. Потерявшие здоровье в фашистских лагерях, помногу продолжали умирать в нашем, родном. Одно из преимуществ нашего лагеря было то, что умерших закапывали в землю. Нашим правителям, конечно же, надо отдать должное, что хоть этот вопрос решался как бы гуманно. Все-таки, не фашисты ведь... Часто в одну яму хоронили нескольких человек, а сверху забивали колышки, куда прикрепляли фанеру с номерами заключенных. Сотни, а то и тысячи таких нигде неучтенных могил... Скелеты этих покойников, которые умирали при этой великой стройке, наверняка, уже перепутались с костями тех сибирских каторжников, кого хоронили несколько сотен лет назад. Ведь эта дорога строилась на старых каторжных путях. Да какая разница для покойника? Им, наверняка, все равно где лежать. Хотя так рассуждать могли лишь те, которые создали эту нечеловеческую систему и для которых жизнь людей ставилась наравне с жизнью букашек. Гайзулла, который всю жизнь считал себя верующим, всегда молил у Всевышнего, чтоб Он позволил ему умереть там, где проживают его земляки, и чтоб его хоронили по мусульманским правилам.

Кормили здесь получше, чем в концлагере. Еще бы! Родное, все же... Гайзулла бабай, размышлениям которого не было конца, опять усмехнулся про себя. За пару лет нахождения у своих, он даже немного поправился. Так он почему-то всегда сравнивал свое бытие с жизнью в фашистском лагере. В каком из них было ему легче? Трудно ответить... Понятно, что немецкие фашисты пытались строить «счастливое будущее» Германии на костях других

народов. А Гайзулле все казалось, что и наши правители выстлали путь к новой, светлой жизни трупами собственного народа. Об этом, конечно же, он никогда и ни с кем не делился. Эти мысли он унесет с собой в могилу. Ведь до сих пор то, что иногда говорил он не обдумав, периодически усложняли его и без того сложную жизнь.

Видать, Всевышний, испытывая на этом свете, порой, награждает своего раба в этом мире железным терпением. В отличие от многих товарищей, которые после фашистского плена не смогли прожить и пару лет, он, в конце концов, привык к арестантской жизни и у себя на Родине. Суждено ему было жить или просто существовать и дальше.

В лагере всесторонне проводилась работа среди заключенных по воспитанию их в духе любви к Родине. Если в первую очередь активно проводился в жизнь моральный кодекс строителя коммунизма, гласивший «кто не работает, тот не ест», в то же время, не на последний план ставился и вопрос о любви к товарищу Сталину. Неосторожно высказанное про него слово, порой, могло стоить жизни. Тайные информаторы, которые были в каждом коллективе, тут же доносили про такого «болтуна» в соответствующие органы. Как правило, данный «политически ненадежный» человек к утру «исчезал» и больше его никогда не видели. Одна из таких историй приключилась с заключенным по фамилии Артюхов, который, страдая от кишечного расстройства, брал с собой газету в туалет. В таком состоянии едва ли он мог обратить внимание на то, что было нарисовано в той газете. А сверхбдительный человек, который служил «подсадной уткой», по всей видимости, заметил это. А газета-то была с портретом «великого вождя»! Короче, на следующий день бедняга Артюхов исчез со своим поносом. Что с ним дальше было, никто не знает.

Кумыкского парня Магомед, друга Гайзуллы по Рурскому бассейну перевели в какой-то другой лагерь, и друзья больше никогда не встречались. Причину его перевода никто не знает. Быть может, с целью разъединения этих двоих. Потому что они все ночные молитвы всегда читали вместе и часто между собой беседовали на религиозную тему. Хотя и возможно, что совсем по другой причине...

Одним из разделов политико-воспитательной работы была организация концертов художественной самодеятельности среди осужденных по большим праздникам. Гайзулле, который с детства любил петь и красиво играл на курае, до сих пор не приходилось участвовать на таких мероприятиях. Но как-то он среди груды металлолома какой-то разобранной техники, случайно нашел отрезок медной трубы. Приставил ко рту и попробовал посвистеть. Из этой тонкой металлической трубы издался приятный звук, как из настоящего курая. Начало его одолевать нестерпимое желание сыграть на курае (как когда-то, будучи у немцев, возникало сильное желание попить кумыс). Видать, временами в его жилах начинала бурлить башкирская кровь. Лет шесть или семь не доводилось ему слышать ту родную мелодию. Тракторист Федя, который работал с ними рядом, так же был из осужденных. Да еще он был другом Гайзуллы. Попросил Гайзулла у него напильник, отпилит нужного размера трубу и сделал на ней соответствующие отверстия.

— А ну, земля, посвисти-ка еще раз на своей дудке, — сказал бригадир Артем во время обеденного перерыва, — давеча, услышал издали.

Люди, собравшиеся на обед на опушке леса, с любопытством смотрели, как Гайзулла доставал курай из рукава своей фуфайки, где он прятал. Увлажнив языком отверстия на инструменте и приставив к губам, он медленно стал выводить древнюю башкирскую мелодию «Буранбай». Присутствующие слышали звук курая впервые. Все притихли. В эту минуту у многих в глазах можно было увидеть признаки горести-печали от этой скорбной мелодии.

В тот же день дошли до начальства сведения об этой «чудесной дудки».

— Заключенный Утарбаев, на выход! — скомандовал конвоир перед отбоем, открывая дверь барака. — Не забудь взять с собой дудку.

«Все, приплыл, — подумал Гайзулла, который только собрался укладываться спать после тяжелого трудового дня. — Зазря не станут вызывать...»

Осужденный «со стажем» хорошо знал лагерные порядки и о том, что нельзя хранить у себя всякие металлические предметы. В первую очередь, конечно же, он думал об этом. Наверняка, и остальные были уверены, что его вызывают именно по этому поводу. «Вот и досвистелся, земля», — посочувствовал ему кто-то. Конвоир привел его в штаб. «Сам» вызвал», — тихо сказал он, показывая на дверную таблицу, где было написано «Начальник политотдела лагеря».

Заходя в кабинет, Гайзулла сразу узнал двух больших начальников. Один из них — хозяин кабинета, моложавый, темноволосый и кареглазый подполковник Алексеев. А другой большеголовый, лысоватый, сидящий слегка разваливаясь на кресле чуть в сторонке — «Сам», как все называют начальника колонии полковника Трофимова.

— Это он? — спросил полковник.

— Так точно, товарищ полковник. Тот самый Утарбаев, который своей дудкой навел на заключенных неодолимую грусть.

В кабинете слегка пахло спиртным. Судя по приподнятым настроениям, нетрудно было догадаться, что перед тем, как вызвать Гайзуллу, эти два начальника слегка «попраздновали».

— А ну-ка, Утарбаев, сыграй че-нибудь на своей дудке, — весело сказал полковник. — Как она называется-то?

— Курай, — ответил парень.

— А ну, давай, сыграй.

Осужденный, который уже понял, что зря волновался, приободрился, по привычке увлажнив отверстия слюной, приставил к губам курай.

Когда слушали печальную древнюю башкирскую мелодию «Урал», казалось, эти два начальника вовсе и не дышали. О том, что начпо Алексеев сам играет на аккордеоне, знали все узники. То ли оттого, что обладал музыкальными способностями, то ли отчего, показалось, что этот подполковник особенно был грустным, когда слушал курай.

— Будешь играть на праздничном концерте ко дню Победы, — сказал Алексеев.

Осужденные и вправду удивились, увидев «Земелю», обратно входившего в барак с кураем в руке.

9 мая, после обеда был объявлен выходной день. В назначенное время все собрались в клубе-бараке. Передние ряды, как обычно, заняли военные, а задние — осужденные. После того, как начальник политотдела прочитал доклад, начался праздничный концерт. Первым номером, как всегда, выступил хор,

который исполнил «Интернационал», а затем «Вставай, страна огромная». Представители самых разных национальностей, выходя по очереди на сцену стали показывать свои таланты...

— А сейчас на сцене перед вами выступит Утарбаев Гайзулла. Он исполнит для вас разные мелодии на редко встречающемся инструменте, — объявил конферансье по прозвище Афанасий, который так же был из числа осужденных. Согласно отрепетированному заранее сценарию, Гайзулла вначале сыграл веселую плясовую «Гульназира», а потом, наверняка, чтоб не скучали представители других национальностей, заиграл «Калинку», которая плавно перешла в «Эх, яблочко!» Зрители задних рядов стали в такт топтать ногами, поддерживая ритмичный, приятный звук незнакомого музыкального инструмента. Все дружно зааплодировали, когда курай замолк. Кураист, весь мокрый от пота, не успел уйти за сцену, Афанасий снова пригласил его на сцену под шумными аплодисментами и криками зрителей заднего ряда: «Да-вай, да-вай!» Узник, который снова вышел на середину сцены, сам объявил: «Буранбай!» Потом коротко рассказал легенду этой старинной песни про башкирского парня — каторжника по имени Буранбай, который незаслуженно был осужден властями царской России и отправлен в эти края. Сыграв на курае вначале мелодию этого протяжного, печального напева, башкирский парень с воодушевлением запел. Его голос, который звучал так же прекрасно и пленительно как его курай, очаровал всех зрителей.

«...Аксакалы плакали, читая
Лист за листом письма Буранбая
Из суровой каторжной неволи,
Из далекого Сибирского края...»

Затем опять возобновился специфический волшебный звук курая. Казалось, эта печальная мелодия, собрав за многие века скорбь тысяч и тысяч людей, плача и рыдая рассказывала про их страдания вдали от родных земель, проникая в разум, заполняя сердца и души всех сидящих в зале. У многих появились слезы на глазах. Мужские слезы... Гайзулла заметил: даже у подполковника Алексеева, сидящего рядом с Трофимовым, заблестели глаза. Ему почему-то показалось, что этот большой начальник понимает и слова этой песни.

Жизнь в неволе шла своим чередом. Менялись времена года одни за другими. Километр за километром прокладывалась ровная дорога, оставляя по обе стороны безымянные могилы тех, кому было не суждено дальше продолжить свою жизнь на этой земле. Но остальные выживали, работали, надеялись...

Однажды Алексеев снова вызвал Гайзуллу в кабинет. Интересно, что за «сюрприз» приготовил для него начальник в этот раз? Задав сперва несколько ничего не значащих вопросов, подполковник спросил его, как он относится к национальному вопросу, в частности, к родной башкирской нации.

— Как вам сказать, гражданин начальник, — начал Гайзулла, который к тому времени говорил по-русски очень хорошо, — все мы любим свою национальность. Вот вы, например...

— Отставить разговоры! Поступил сигнал, что ты в этом вопросе переступаешь дозволенное. — Алексеев достал папиросу из пачки, лежащей у себя на столе, закурил.

— ?..

— Это правда, что ты придумал историю про какого-то башкирского Матросова? — Лицо начальника политотдела было суровое.

— Тов... гражданин начальник, это — не выдуманная история. И в самом деле...

— Хватит! — Алексеев ударил по столу огромным кулачищем. — Твое поведение запросто можно расценить как попытку ставить свою нацию выше остальных. Понимаешь, тут явно попахивает национализмом?! И чтоб твои подобные антиполитические слова больше никто и никогда не слышал!

Начальник сделал пару затяжек папиросой, выпуская обратно густой дым одновременно изо рта и из носа, и, похоже, немного успокоился.

— И забудь, что сегодня между нами был этот разговор, — продолжал он уже намного понизив тон, — если, конечно, еще есть желание жить дальше и увидеть когда-нибудь своих родных и близких. Вот так-то, земля, или как тебя там называют...

Простой деревенский парень возможно, что, по своей наивности, и рассказывал товарищам когда-то, что встречался с Матросовом. Но никогда бы он не подумал, что этому разговору могут придать политическую окраску. Да, были времена, когда «и у стен были уши»... Довольно жестко сказанные слова этого офицера Гайзулла принял как серьезное отцовское замечание. В дальнейшем, он старался взвешивать каждое свое слово, прежде чем говорить (а мы, уважаемые читатели, посмотрим, едва ли это у него будет получаться). Представителем какой же национальности являлся сам этот подполковник, который вовсе и не был похож на русского, никто и не знал. Только среди осужденных ходили слухи, что этот начальник, у которого чувствовался легкий акцент при разговоре, родом из Южного Урала и что он, якобы, выходец из нагайбаков.

...Лето пятьдесят третьего. Весть о кончине «великого генералиссимуса» — «отца всех времен и народов» осужденные восприняли с радостью. В первое время, конечно же, радовался каждый про себя, тайно от остальных. У каждого появилась надежда на скорое освобождение от неволи и увидиться с родными и близкими. Скоро, и в самом деле, власти объявили амнистию. И Гайзулла, которому уже шел двадцать девятый год, освободившись досрочно, вернулся в родную деревню. А односельчане, оказалось, его давно «похоронили». Все были уверены, что его нет в живых. А как же иначе? Ведь он с апреля сорок третьего никому из родных и близких не отправлял ни единой весточки. Хотя, о чем бы он тогда им писал? Мать и обе сестренки не дождались его приезда. Все трое умерли во время какой-то эпидемии. Починив полуразрушенную землянку, которая для него была родным домом, Гайзулла стал жить там. Засучив рукава, начал работать в колхозе или, как говорят, поднимать народное хозяйство.

Разные слухи ходили про него в деревне. Естественно, что нашлись люди, которые говорили, что он, якобы, бросив винтовку на поле боя, сдался гитлеровцам по собственной воле. «Ты смотри на него, наши мужики вернулись без рук и без ног, а у него на теле, говорят, ни единой царапины...» — судачили некоторые бабы. Иные не постеснялись высказаться об этом прямо в лицо. Но недаром ведь говорят, что всякая рана, какая бы ни была, со временем, затягивается, постепенно успокоились и односельчане. Сосватав Саиду — вдову Якшыбая, погибшего на войне, зажили с ней в мире и согласии. Саида всегда старалась успокаивать Гайзулла, который, бывало, приходил иногда

домой рассерженный, услышав разные колкости в свой адрес. «Не обращай ты внимания на слова этой Шамгии. Ведь она не только на тебя, на весь мир обижена за то, что ее муж вернулся из фронта без обеих ног», — говорила она. Единственный сын Саиды от первого мужа еще до конца войны умер от какой-то болезни. И после, как стала жить с Гайзуллой, она больше не беременела. Очень возможно, что не прошли бесследно для организма мужа тяжелые условия, которые перенес вначале в фашистском, потом в советском лагерях. Так они и живут поныне вдвоем в довольно большом доме, который Гайзулла построил сам, своими руками.

До сих пор он жалеет, что рассказал как-то односельчанам про нахождение в плену в немецкой деревне у фермера летом сорок третьего. Ведь недаром у русских говорят «язык мой — враг мой». А началось это с того, в какой-то мужской компании кто-то из присутствующих говорил, что немцы, якобы, очень неадекватно воспринимают отрывку при людях. «Не может быть, — не поверил другой, — выдуманно все это...» «Да, это правда», — включился в разговор Гайзулла и рассказал им смешную историю с немецким управляющим, который первый раз в жизни попробовал настоящий кумыс... Гайзулла потом очень долго отплевывался за то, что не сдержал свой язык. Некоторым односельчанам, которым все хотелось кольнуть его при удобном случае, появился очередной повод. «Когда наши на фронте кровь проливали, ты, Гайзулла агай (агай — обращение к старшему по возрасту мужчине), оказывается, фашистов кумысом поил», — смеялся тракторист Фатих полушутя. Конечно же, можно и даже нужно было Гайзулле об этом промолчать. Но, как говорится, сказанное слово — выпущенная стрела. Выпустил — обратно не вернешь...

В первое время, Гайзуллу, понятно, не приглашали на торжества, посвященные ко дню Победы. Но, как настали времена так называемой перестройки, и меньше стало настоящих фронтовиков, «приравняли» к ветеранам войны некоторых бывших военнопленных, а так же еще нескольких категорий граждан. В их числе был и Гайзулла бабай. Только он, почему-то, до сих пор не может «переварить» слово «приравненный». Не нравится ему это слово и все!

А вот прозвище «дивана» его застало опять-таки из-за Матросова. Если даже когда-то представители других национальностей абсолютно не поверили той истине про его земляка — героя, то Гайзулла ничуть не сомневался в том, что соотечественники уж точно его поддержат. Но он опять ошибся. В этот раз его обозвали тем самым прозвищем свои же односельчане, которые так же не поверили, что Матросов был из башкир. «Ты чего с ума сходишь, дивана, — говорил ему деревенский учитель Кинзябай, когда Гайзулла рассказал про то, как он вместе с Сашей ехал на фронт. — Неграмотный ты, агай. Книжки надо читать. Матросов совершенно из других краев...»

Не было конца радостям Гайзуллы, когда в конце 80-х в газетах стали появляться статьи Рауфа Насырова под названием «Откуда ты родом, Матросов?» С газетой в руках он стал заходить чуть ли не в каждый дом. «Я же говорил вам! Вот, смотрите, тут черным по белому написано!..» — почти кричал он от чрезмерных чувств, показывая статью каждому. Зашел он и в школу. Близко приподнес газету к глазам учителя Кинзябая. «Вот, смотри, Кинзябай кусты (кусты — обращение к младшему по возрасту мужчине), ты не верил тогда мне!..» «А я все равно не верю, — не хотел поддаваться Кинзябай. — Если будешь каждому написанному...» Однако, через некоторое время, старик Гай-

зулла слышал, как тот же учитель, делая доклад в клубе по поводу какого-то торжества, говорил: «Мы гордимся нашими земляками — героями Советского Союза как Тафтизан Миннигулов, Муса Гареев, Тагир Кусимов, Александр Матросов, а точнее, Шакирьян Мухамедьянов...» Доклад этот Гайзулла слушал с чувством большого удовлетворения. Но, опять-таки, словно кто-то дернул его за язык: «Шаймуратова пропустил, кустым!» — крикнул он с места.

— А его нет в списке героев, — ответил Кинзябай спокойно.

— Как это, «нет»? — выскочил с места старик. — Ты, как тебя, Кинзябай кустым, ерунду тут не говори! А еще учитель называется, тоже мне... Вся страна знает, что генерал Шаймуратов — Герой Советского Союза!

— Нет, Гайзулла агай, он не герой. Не присвоено ему звание героя...

— Как это, «не присвоено»? — Гайзулла начал «выходить из себя». Контузия, которая временами его беспокоила, снова начала напоминать о себе. Старик, дрожа, застыл на месте и дальше не смог вымолвить ни слова, только делал какие-то странные движения руками, словно звал кого-то. Со стороны казалось, как будто он в это время вовсе перестал дышать.

— Присядь на место, агай, успокойся. Видишь, даже настоящие ветераны сидят и спокойно слушают, — сказал ему Кинзябай с трибуны.

Гайзулла бабай, весь промокший от пота, присел обратно. Похоже, что, все-таки, прав этот Кинзябай. А ведь до сих пор он был абсолютно уверен, что Миннигали Шаймуратов — Герой Советского Союза. Эх, до чего же сложна эта штука, которая называется жизнь...

Вспомнил Гайзулла, как приглашали его в сельский клуб в еще какой-то из праздников Победы. Помнит, что на том вечере чувствовал себя «не в своей тарелке». Ему все время казалось, что земляки на него смотрят как-то не так. Еле дождался окончания торжественного мероприятия. Только, после собрания их сразу домой-то не отпустили, а привели ветеранов всех категорий и так называемых «приравненных» в здание средней школы. В одном из классов для них был накрыт стол. Все мы знаем, что в последнее время стала «святой традицией» 9 мая фронтовикам наливать по 100 грамм «наркомовского». Старик Гайзулла, который уже не один десяток лет придерживался и строго соблюдал мусульманских обычаев, отказался от налитой ему водки.

— Ты чего, Гайзулла агай, не уважаешь наших традиций? — пристал к нему слегка подвыпивший Сабит бабай. Его, так же как и Гайзулла, приравнивали к ветеранам, хотя он вовсе и не участвовал в боевых действиях. Будучи еще подростком, работал почтальоном, а в армию был призван после окончания войны.

— Уважаю, но пить не буду, — отрезал Гайзулла. — Во-первых, сейчас время не военное, а во-вторых, спиртное — харам (запрещенный Аллахом напиток).

— То-то, сразу видно, что на фронте не был, — ляпнул Сабит, который имел привычку «рубить сплеча», — а отсиживался в немецком тылу...

— Да ты, кустым, когда сопливым мальчишкой письма бабам носил, я как раз-то был на самой передовой... — сердился Гайзулла. У него в глазах появились слезы. — Эх, пропади она пропадом эта контузия... — Старик, как всегда, непроизвольно стал дергаться. Соседи, успокоив, усадили его обратно на место.

— Ты чего это, пристаешь к старому человеку? Твое какое дело, в плену был он или где? — заступился за Гайзулла фронтовик Махмутзян. — Война,

есть война. А на войне могут быть самые разные ситуации. Даже настоящий Герой, и то может запросто оказаться в плену...

Махмутзян, ровесник Гайзуллы, всегда, по возможности, старался не давать его в обиду. Как-то еще раньше накануне 50-летия Победы ставили в деревне обелиск в честь ветеранов Великой Отечественной. Когда стали готовить списки фронтовиков, вышел спор между ним и завклубом Рагибом. Составляли два списка. В первом перечислены имена погибших на полях сражения, а второй список именовался: «Они вернулись с победой». Махмутзян, будучи тогда председателем совета ветеранов, предложил внести во второй список и своего друга детства Гайзуллу. Но молодой и энергичный Рагиб был категорически против: «Дядя Махмутзян, он ведь, в отличии от тебя, на войне кровь не проливал». Словом, Гайзуллы не оказалось ни в одном из этих списков.

А в последние несколько лет вовсе перестал он ходить на всякие торжества, несмотря на приглашения. Поздравительные открытки и подарки всегда приносили домой. Лет семь-восемь прошло, как не стало последнего настоящего фронтовика, Махмутзян курдаша (курдаш — ровесник), кавалера двух орденов Славы. До конца оставался он настоящим другом и никогда не считал Гайзуллу изменником. Похоже, только он понимал, при каких обстоятельствах приятель его мог попасть в руки врага. Супруга Саида так же всегда уважала своего мужа, старалась духовно поддерживать его, не позволяла никому говорить про него плохое...

Гайзулла повернулся в сторону Саиды, которая возилась возле печки. «Повезло мне, все-таки, с женой», подумал он любуясь ей. Старуха, словно прочитав его мысли, вытирая руки о цветастый фартук, подошла и присела к нему.

— Мне кажется, — говорила она как всегда очень мягко, — все-таки надо съездить в военкомат или куда там нас приглашают. Ведь один Господь знает, сколько нам еще прожить. Быть может, и немного-то осталось...

— Да, пожалуй, ты права. Да, пожалуй... — согласился старик.

* * *

Когда они зашли в районный дом культуры, все приглашенные были собраны. Довольно большой зрительный зал, который лет десятка два-три назад полностью заполняли довольно бодрые и веселые ветераны со звенящими орденами и медалями на грудях, сегодня, казалось, почти полностью опустевшим. Только передние два-три ряда скамеек заняли люди пожилого возраста. Они — приравненные к ветеранам войны и труженики тыла, и, в основном, старухи. Мужчин среди них — единицы. А настоящие ветераны заняли место в «президиуме» — на сцене. Их всего человек 10—15 (на весь район!). Гайзуллу с Саидой привез на машине сын покойного Махмутзяна-курдаша. Немного задержавшись на дороге из-за какой-то неисправности автомобиля, прибыли они немного с опозданием. Опираясь на тросточку, старик Гайзулла, а за ним Саида, прошли в зал и заняли места позади всех.

— Вы — Утарбаев Гайзулла? — спросил подошедший к ним офицер военкомата с капитанскими погонами.

— Да, — ответил старик, — он самый...

— Вам необходимо пройти в президиум, — капитан за руку поздоровался с ним.

— Да, ладно, сынок, я, лучше уж, посижу тут. Ведь там...

— Там приготовлено для вас место, — перебил офицер, — пройдемте, я вам помогу...

Гайзулла поначалу, кажется, даже немного растерялся. Посмотрел в сторону Саиды, словно хотел с ней посоветоваться, что делать.

— Иди, — сказала ему Саида, — иди, на сцену ведь приглашают.

Гайзулла, у которого, в отличие от остальных, не было ни одной медали на груди (две-три юбилейные медали, которые получал раньше, он не стал даже цеплять), робко поднялся с места. Капитан, осторожно держа за руку, помог ему подняться на сцену. Как будто его только и ждали (а может, именно его и ждали), глава районной администрации, сидевший с края президиума, встал с места, подошел к трибуне.

— Дорогие ветераны Великой Отечественной войны, — начал глава, посмотрев в сторону стариков, сидящих на сцене. Потом слегка откашлялся и, повернув взор к сидящим в зале, продолжил. — Уважаемые труженики тыла! Разрешите поздравить всех вас с праздником Великой Победы над фашистской Германией!

Слабые аплодисменты престарелых людей были еле слышны. Глава начал красиво читать свой доклад, который был подготовлен заранее. Глядя на серьезные, в то же время больные и ослабленные лица стариков, сидящих на сцене, можно было подумать, что они вовсе и не слушали о чем говорил докладчик, а каждый думал о своем.

— ...Россияне никогда не забудут подвиг Советского народа освободившего почти всю Европу от фашизма. Так же нам никогда не забыть, какой ценой досталась эта Победа... — пламенная речь продолжалась.

Когда, наконец, закончился доклад, слово дали военному комиссару района. Военком в звании подполковника так же поздравил с праздником всех присутствующих, затем, зачитав постановление о награждении, стал приглашать людей к трибуне для вручения юбилейных медалей. Офицер называл фамилии, а глава администрации вручал награды их хозяевам. В первую очередь, конечно же, вызывались кто на сцене. Параллельно с медалями, дарили им еще красивые пакеты с какими-то подарками. Но многие из тех, которые когда-то прошли всю Европу пешком или бегом, а то и проползли «по-пластунски», сегодня и до трибуны смогли дойти с большим трудом. К некоторым из них глава подошел сам и лично приколол очередную награду к их пиджакам. После них начали по одному приглашать на сцену приравненных к ветеранам войны и тружеников тыла...

«Усадив меня рядом с фронтовиками, похоже, начальники в этот раз ошиблись», подумал Гайзулла бабай, которого сегодня награждали в числе настоящих ветеранов. После процедуры вручений наград и подарков были опять аплодисменты. Глава администрации снова подошел к микрофону, прикрепленному к трибуне, привлек внимание приглашенных, которые уже подумав, что собрание на этом закончено, стали шушукаться между собой.

— Дорогие ветераны войны и тыла, — казалось, на этот раз говорил он более громче. — Товарищи!

Зал снова притих.

— Дорогой Гайзулла Гайфуллович!

Гайзулла бабай вздрогнул. Осмотрелся по сторонам, словно ища кого-то, медленно стал подниматься с места.

— Дорогие товарищи, земляки! На войне бывают разные моменты и всевозможные ситуации, — начал глава. — Спустя семьдесят два года только

награда наша война, который стоит перед вами. Я безмерно рад, что имею возможность вручить сегодня эту награду хозяину, настоящему фронтовику, своему храброму земляку...

Несмотря на свой довольно высокий статус, начальник, казалось, так же волновался.

— ...За проявленную храбрость в боях против немецко-фашистских захватчиков, Гайзулла Гайфуллович Утарбаев награждается орденом Красной Звезды! Уважаемый Гайзулла Гайфуллович, прошу...

Все происходящее ветерану казалось как во сне. Он, растерянный, попеременно смотрел то на присутствующих в зале, которые бурно зааплодировали, то на единственную юбилейную медаль у себя на груди, то на главу администрации, державшего в руке приготовленный для него орден. Словно, у него в ушах снова прогремел хриловатый бас его командира: «Молодец, земля! После боя представлю к ордену! Добей гада!». Только хотел было двинуться к трибуне, но ноги перестали ему подчиняться, и он продолжал стоять на месте. От сильного нервного потрясения контузия головы, полученная семьдесят два года назад, снова заставила вспомнить о себе. Казалось, что он перестал дышать. Быстро поняв состояние фронтовика, глава сам подошел к нему и прикрутил к его пиджаку ослепительно красивый орден Красной Звезды, затем обнял его и похлопал по спине.

— Спасибо вам, ветеран!

Присутствующие продолжали аплодировать. Это были настоящие аплодисменты, как говорят, от души!

— Спасибо, — сумел сказать и Гайзулла, который уже начал отходить от приступа и собрался идти обратно на свое место. Но начальник остановил его. Да что за день сегодня?.. Старик вопросительно посмотрел на главу.

— Уважаемый Гайзулла Гайфуллович, — обратился он снова, — в районе все фронтовики, кроме тебя, обеспечены бесплатной квартирой. К сегодняшнему дню и для вас мы приготовили жилищный сертификат. Разрешите мне вручить его вам!

Процесс вручения ценной бумаги снова сопровождалась сильными рукоплесканиями ветеранов всех категорий. Старик, немного повертев в руке бумагу, наконец, заговорил.

— Спасибо, — сказал ветеран, — за все вам большое спасибо! Только у меня есть одна просьба. — Он близко подошел к микрофону. — Я хотел бы сказать вам пару слов о сиротах, — продолжал Гайзулла бабай уже в микрофон. — Как и многие мои сверстники, я был свидетелем той тяжелой эпохи, когда очень многие дети стали круглыми сиротами в тридцатые годы, а так же в военное время. Война есть война... Тут уж ничего не поделаешь. Для военного времени это явление можно, наверняка, считать естественным. А вот частенько читаю в газетах, оказывается, и в наше время сиротеют дети! И по многу! Их по стране насчитывается даже десятками тысяч! — Гайзулла повысил голос. — Уму непостижимо!

Сам того не замечая, старик отпил из стакана минеральной воды, которая была заранее приготовлена для докладчика. Немного успокоившись, продолжил.

— Я — очень старый человек. И мне уже девяностый год. Нет у меня на свете ни детей, ни внуков. Быть может, в этом сыграла свою роль та самая

проклятая война... — Гайзулла волновался, и в глазах у него появились слезы. — Хвала Аллаху, у нас со старухой есть где жить, и пенсию получаем неплохую. Словом, нам всего этого хватит до конца своих дней. Сынок, дорогой, — он обратился к главе, стоящему возле него, — эту бумагу, по которой дают бесплатное жилье, отдайте какому-нибудь приютскому круглому сироте, только начинающему свой жизненный путь. Это будет справедливо. — Говоря эти слова, старик на миг вспомнил того сероглазого веселого парня, представляющего Шурой из колонии, который ехал на фронт и которого не стало через месяц после их встречи...

Гайзулла протянул жилищный сертификат главе администрации. Но глава не захотел забирать его обратно и стал уговаривать старика: «Пожалуйста, примите! Это ведь — ваше, заслуженное...» Ветеран оставил бумагу на трибуне и направился к своему месту...

На следующий день Саида, обеспокоенная тем, что супруг до сих пор не встает на утреннюю молитву, подошла к его кровати. Гайзулла, который обычно всегда спал на правом боку, сегодня лежал на спине, вытянув руки вдоль тела. Подойдя еще ближе, старуха насторожилась: супруг ее не дышал. Бабушка Саида, хотя в последнее время чувствовала, что вот-вот настанет этот час, наклонилась к нему и зарыдала. Но долго плакать не стала. Вспомнила, что супруг в последнее время частенько говорил ей: «Как я умру, громко не плачь, проявляй терпение. Это — предопределение Аллаха. Пусть меня хоронят по мусульманским обычаям. Памятник на могилу ставить не надо. Пророк так не велел. И цветы не надо возлагать...» Старуха про себя прочитала какую-то короткую молитву, краем платка просушила увлажненное от слез лицо. Придвинув к себе телефон, стоящий на столе возле кровати, и нацепив толстые очки, стала просматривать тетрадь с телефонными номерами односельчан. В первую очередь она набрала номер деревенского имама Мансура...

Прошло несколько дней, как похоронили старика Гайзуллу. Дамир, правнук Махмутзяна-фронтовика, сегодня после уроков направился в сторону клуба, возле которого когда-то односельчане поставили обелиск воинам Великой Отечественной войны. На этом памятнике красиво написаны два списка. В первом, который намного длиннее, в алфавитном порядке перечислены фамилии и имена павших земляков-односельчан. Их около тридцати человек. А в коротком списке — имена вернувшихся живыми (всего 4 человека). Дойдя до обелиска, покраску которого обновили накануне 9 мая, мальчик внимательно попеременно прочитывал оба списка, где фамилии, имена и отчества защитников Родины выгравированы золотистыми буквами. Сняв со спины портфель, школьник достал оттуда фломастер. Осмотрев по сторонам, поближе подошел ко второму списку под оглавлением: «Они вернулись с победой». Убедившись, что нет поблизости взрослых, в конце списка дописал: «Дед Гайзулла». О чем в это время думал этот мальчик, никто не знает, кроме него и самого Господа...

